

Новая Польша 1/2013

0: КОЛЛАПСА НЕ БУДЕТ

О том, что видно с капитанского мостика, какой будет Польша после 2020 года, а также о польском самодовольстве и недостатке страстности — об этом с Яном Кишиштофом Белецким, бывшим премьер-министром, ныне главой Экономического совета при премьер-министре, беседует Янина Парадовская

— Будет трудно, сейчас плохо, станет еще хуже — это слышно со всех сторон, в том числе и из правительства. Страх обычно способствует кризисным ситуациям — так не слишком ли мы уже напуганы?

— Если говорить о принципах, то правительству не следует пугать граждан, оно должно создавать позитивные ожидания, но и не может притворяться, будто ничего не происходит, будто никаких угроз нет. На мой взгляд, эту линию равновесия у нас не переступили. Вместе с тем за последнее время произошло очень много таких событий, которые, по моему глубокому убеждению, перечеркивают чрезмерно пессимистическое мышление. Видна большая решимость в поддержании функциональности Евросоюза, и предпринимаются действия, даже нетрадиционные, чтобы обеспечить дальнейшее сохранение зоны евро. Если мы добавим к этому деятельность правительства США и их Центрального банка, нацеленную на поддержание экономической конъюнктуры, а одновременно учтем попытки стимулирования экономики в КНР и Японии, то всё это приводит нас к выводу, что окружение Польши не должно впасть в будущем году в рецессию, даже если в Польше следующие два квартала могут оказаться хуже, чем последний.

— Значит, сценарий рецессии отсутствует?

— Отсутствует. Если Германия развивается в темпе «плюс один» — а новейшие прогнозы говорят именно так, — то Польша развивается в темпе 2% за год, возможно, несколько выше.

— Польша, развивающаяся в темпе «плюс два», по-прежнему остается страной, испытывающей большие трудности.

— Это, однако, приведет к тому, что 2014 год будет лучше 2013-го. Таким образом, в более короткой перспективе, может быть, виды на будущее не самые лучшие, но и не драматические.

— Разве рост безработицы больше чем на 13% — это не драма?

— Какой она будет в действительности, мы не знаем; впрочем, безработицу мы рассчитываем специфическим способом. По данным Евростата, в Польше она достигает теперь 10% и находится ниже среднего европейского показателя. Разница вытекает, в частности, из того, что мы считаем тех, кто регистрируется, а не тех, кто реально ищет работу. Я вообще оптимист, когда смотрю на среднесрочный прогноз для Польши до 2020 г., иначе говоря, до конца следующего европейского финансового горизонта. Высмеиваемая гарантия на 300 млрд. зл. будет реализована, Польша наверняка получит это вливание — быть может, даже несколько более высокую квоту. Даже если европейский бюджет подвергнется ограничению. Располагая на данный момент неплохой демографией, европейской подпиткой и хорошей конъюнктурой в мире, где нас рассматривают в качестве привлекательного места для инвестиций, — нам не нужно прогнозировать никакого коллапса или катастрофы.

— Это такая идиллическая версия политики, принципиальным образом расходящаяся с ходовым ее описанием и с ощущениями людей.

— Я описываю макрокартину, которая именно такова. Разумеется, на нее накладываются сотни структурных проблем и еще больше единовременных и второстепенных, которые, если трактовать их поодиночке, могут создавать впечатление крупной неудачи. Но это плохой угол зрения. Если смотреть с капитанского мостика, ситуация для нас благоприятна.

— В таком случае каковы же эти наиболее важные структурные проблемы?

— Одной из основополагающих является, конечно же, конкурентоспособность, а она «расписывается» на необходимые изменения на рынке труда, на качество нашего обучения на всех уровнях, на количество инноваций

либо патентов, на обучение взаимодействию уже в школе... Под определение «конкурентоспособность» можно в сущности подвести все главные элементы, которые продолжают оставаться нашими слабостями.

— Со многими из них нынешнее правительство, а также предыдущие боролись долгие годы, но выходило это у них как-то слабовато, начиная с образования.

— То, чего удастся достичь в образовании, видно лишь спустя много лет. Несомненно, самое худшее — перескакивать от одного решения к другому. Кроме того, существуют такие вызовы, с которыми борется весь западный мир, как, скажем, хотя бы растущий качественный разброс между учебными заведениями. Весь западный мир сражается также с проблемой качества здравоохранения. Пример США доказывает, что можно расходовать на него 20% национального дохода и по-прежнему иметь 40 млн. незастрахованных лиц. У нас тоже фактическое удвоение затрат на здравоохранение за последние годы не нашло отражения в росте удовлетворенности пациентов. На протяжении многих месяцев мы в Экономическом совете вели дискуссии о системе здравоохранения, и теперь видно, что нет никакой универсальной модели либо самого лучшего западного практического подхода, который можно было бы перенести в Польшу.

— Это как раз и есть тот пример, где нас качает от стены к стене. Мы устраиваем очередную реорганизацию и попутно неразбериху, так как у нас нет мужества ввести частичную, хотя бы символическую платность или дополнительные виды страхования.

— Если мы хотим действительной конкурентоспособности, а я принадлежу к ее сторонникам, — пусть даже на первых порах искусственно стимулируемой посредством разделения Национального фонда здравоохранения или создания второго фонда, — то основополагающим условием остается внедрение профессиональных форм страхования здоровья. Разумеется, первоначально оно может служить вспомогательной, дополняющей системой, но пока что у нас нет даже дефиниции для страхования здоровья. Страховщики, действующие на польском рынке, занимаются главным образом самыми простыми видами страхования, типа страхования имущества или жизни и т.п. Это не требует больших знаний — таких, как для современного космодрома, а не для Байконура.

— Вытекают ли какие-либо существенные выводы из дела компании «Амбер Голд»?

— Здесь мы имеем две плоскости данного дела. Первая — это панорама его восприятия с капитанского мостика, если придерживаться уже использованной в этой беседе аллегории. С мостика видно, что ряд учреждений действовал рутинным образом и им не хватило профессионализма — иными словами, способности противодействовать: если была бы воля, то нашлись бы и статьи закона, и никакого нового закона не требовалось бы создавать. Более серьезная проблема, однако, — точка зрения рядового гражданина, а у рядового гражданина укрепились уверенность в том, что, сделай он что-то плохое, его сразу же настигнут государственные службы, а тут действует магнат, которого даже не подвергают основательной проверке, которому больше позволено.

— Политическая культура, культура деятельности институтов — это такие барьеры, с которыми необходимо бороться годами. Здесь не бывает быстрых результатов.

— А поэтому меня больше всего интересует и одновременно, не стану скрывать, больше всего мучит как раз вопрос, какой будет Польша после 2020 г., когда нам уже придется искать другие, отличные от простых факторы развития, когда мы уже построим все эти автострасы, аэропорты, железные дороги — потому что мы их, несомненно, построим — и понадобится наращивать качество функционирования государства, его институтов. Сооруженную инфраструктуру потребуются заполнить более высокой организационной культурой, социальным капиталом, способностью вырабатывать компромиссы. Это будет высшая школа верховой езды.

Мне представляется, что наша величайшая проблема состоит не в самом глубоком за 70 лет мировом кризисе, а в самодовольстве. Мы как страна одержали большой успех, миллионы семей добились личного успеха, подняли уровень жизни — благодаря собственной предприимчивости, посредством эмиграции, десятками способов. Видно, что уровень чаяний и образования необычайно повысился, и теперь мы перестаем быть народом «голодным», жаждущим дальнейшего участия в гонке и успехов.

— Вы говорите о самодовольстве, а мы скорее народ вечно неудовлетворенных.

— Неудовлетворенность — это действительно свойство, приписываемое нашей стране, так как у нас уровень доверия человека к человеку, к учреждению остается по сравнению с другими странами шокирующе низким. Это очень хорошо видно, когда живешь за границей. Но я думаю в данный момент не о вечных сетованиях, которых у нас в избытке, а об отсутствии страстности. Нам меньше присуще желание состязаться, причем на самых разных постах — директора больницы, ректора высшего учебного заведения, даже предпринимателя.

Порой у меня складывается впечатление, что достижение определенного уровня стабилизации инфицировало ведущие круги бизнеса, науки, администрации и они уже не хотят участвовать в гонках.

— **Может быть, они функционируют в таких структурах, в такой гуще правил, которые делают гонки невозможными?**

— Наверно, отчасти это так, но участие в гонках по определению предполагает выход за рамки существующих структур, изменение последних. Структуры всегда будут слегка тормозить, потому что такова их природа.

— **Но философия правительства — это стабилизация, политика горячей воды в кране; иначе говоря, правительство тоже полно самодовольства. Вдобавок «Гражданская платформа» вновь выиграла выборы, она правит пятый год, а значит, у нее есть причины для самодовольства, даже при растущем общественном нетерпении.**

— Перед нами ситуация, не имеющая прецедента, и по правительству, по многим его ведомствам действительно видно такое самодовольство. Есть много учреждений и институтов, которые не ощущают натиска конкуренции, и это вытекает, в частности, из того, что процессы оценки, столь важные для развития всякой организации, практически не функционируют. Примером служат суды, независимая власть, но никто этих судей не оценивает, потому что они не выработали собственных механизмов добросовестной оценки, а всякая внешняя воспринимается как покушение на их независимость. Лишь закон об устройстве судов общей юрисдикции вводит элементарную оценку, и это сразу же порождает протест.

— **Вам хочется говорить о том, что будет после 2020 г., но в политике существует перспектива ближайших выборов, причем лучше всего — ускоренных.**

— Мы не можем на всё смотреть с перспективы того политического театра, который разыгрывается главным образом в Варшаве.

— **Театр, который разыгрывается в Варшаве, налагает свой отпечаток на качество политики.**

— Я не согласен с подобным мнением, потому что надо отделить этот театр, устраивающий перманентное шоу, от реально принимаемых решений и их последствий, так как это и есть подлинная политика. Считаю, что на протяжении истекшего уже более чем двадцатилетия подавляющее большинство решений разнообразных правительств было попросту хорошим, и в этом смысле польская политика оправдалась. Гораздо лучше, чем во многих других странах.

— **И немедля почти вся оппозиция скажет вам, что ничуть она не оправдалась, что всё было ошибкой или прямо-таки антипольской деятельностью.**

— Но, когда та же самая оппозиция приходит к власти, она тоже принимает неплохие решения, которыми впоследствии, уже оказавшись в оппозиции, гордится. Польская специфика заключается в том, что, хотя этот политический театр становится всё хуже, вульгарнее, грубее, где-то там в конце проявляется нечто такое, что мы называем коллективной мудростью польского народа, и крайности отпадают. Так бывает не только у нас. Здесь в голову мне приходит пример Голландии. Когда я разговаривал с голландцами, особенно с людьми, занимающимися экономикой, их ужасали предвыборные прогнозы, по которым стране предстояло быть подвешенной между крайними, полуфашистскими правыми силами и левыми, у которых базовая идеология — коммунизм. А после выборов оказалось, что экстремисты потерпели поражение и произошел возврат к солидной голландской школе, основанной на протестантских ценностях и здоровых публичных финансах. Сколько же понадобилось намешать, чтобы вернуться в исходную точку?

— **Иными словами, переводя всё это в конкретное измерение политики, не нужно бояться победы «Права и справедливости» и довольно экзотических коалиций?**

— Я мог бы рискнуть таким утверждением, если бы не тот факт, что у нас есть весьма отрицательный, неприемлемый опыт правления ПиСа в сфере функционирования правосудия и понимания политических свобод. Я исхожу, однако, из предположения, что каждый имеет право совершать ошибки, если извлекает из них уроки. Гораздо большую проблему составляет то обстоятельство, что сейчас в ПиСе преклоняются перед венгерской моделью, которая плоха и в самой Венгрии ни к чему хорошему не приведет. Попытка перенести эти идеи на польскую почву представляется мне фундаментально ложной.

— **Сила правительства вытекает сегодня из слабости оппозиции — такая фраза повторяется часто. Это правда? Оппозиция же на самом деле сильна, зачастую она задает тон всей дискуссии.**

— Оппонентов у правительства много, и они сильны. К сожалению, концентрируются они главным образом на уже упомянутой «театральной» сфере. Это приводит к тому, что им недостает логичности и каждые несколько месяцев они высказывают фундаментально противоречащие мнения. Взять хотя бы тотальную критику правительства при изменениях в открытых пенсионных фондах, а теперь они выдвигают предложения об их практической ликвидации. Или же они заламывают руки по поводу государственного долга, а через минуту вносят длинный список новых расходов. И так без конца.

Гражданин так и не может понять, чего же эта оппозиция на самом деле хочет, какова ее программа. Теперь много говорится о техническом правительстве с каким-то премьер-министром, которого намерена поддержать вся оппозиция, но зачем нужно такое правительство, что оно должно сделать — этого мы не знаем. Это и есть театр, где актеры точно знают, что это только сцена, а когда они ее покидают, идет нормальная жизнь, и никакого технического правительства, равно как и нового премьера не будет, потому что ни один серьезный человек не позволит впутать себя в одномоментное разыгрывание какой-то гротескной роли.

— **Технического правительства не будет, но будут демонстрации.**

— Будут. Свящ. Рыдзык в состоянии мобилизовать существенные группы своих сторонников, имеется также эффективный профсоюзный аппарат, и несколько тысяч функционеров наверно приедут. Демонстрации в демократии — дело вполне нормальное, и надо с ними жить.

— **Может ли наступление разных оппозиционных партий, даже если оно не создает никакой альтернативы, усиленное маршами зрителей телевидения «Трвам» и протестами «Солидарности», оказаться опасным для правительства?**

— Могу процитировать только тех актеров этого театра, кто выступает публично. Они рассказывают о каких-то невероятных программах или о кульминации протеста, которая должна прийти на 29 сентября, после чего плавно переходят к анализу шансов своей группировки на выборах, которые состоятся через три года, в 2015 году. Собственно говоря, они огорчаются, что Туск может править третий срок подряд.

— **А действительно может?**

— Почему бы нет? Если он сумеет провести Польшу через очень трудный следующий год, то, на мой взгляд, у него будет очень сильный мандат, чтобы добиваться правления в течение третьего срока. Если же возвратиться к оппонентам — они не выдвигают предложения о роспуске парламента, потому что, выдвинь они его со всей решимостью, мы, быть может, имели бы дело с иной динамикой политических процессов.

— **Это было сказано одним из епископов в Ченстохове во время паломничества «Солидарности».**

— Пока этого не говорит Качинский или все лидеры оппозиционных партий, это только второй акт в представлении того же театра.

— **А не слишком ли долго ждет премьер-министр выхода на сцену?**

— Думаю, он сохраняет хладнокровие, несмотря на попытку перенести спектакль на самую болезненную для него площадку семейных, личных дел. Это хладнокровие сейчас важнее всего.

— **Чего же мы должны в итоге ждать от выступления премьера? Надежды разбужены до такой степени, что их будет трудно удовлетворить.**

— Это довольно просто. Необходимо прежде всего показать, что есть нечто такое, как «фирменное блюдо дома». А фирменное блюдо польского дома состоит в том, что мы поддерживаем необходимую фискальную дисциплину, но не убиваем своих шансов на развитие. Умение удерживаться на этом зеленом острове, как бы его ни высмеивали, имеет абсолютно ключевое значение для будущего Польши.

1: О САМОУПРАВЛЕНИИ В ПОЛЬШЕ

Недавно исполнилось 22 года с момента проведения реформы территориального (муниципального) самоуправления в Польше. О том, что такое самоуправление, о работе над его реформированием, а также о том,

каковы дальнейшие перспективы его развития и каким образом формирует оно гражданскую позицию поляков, рассказывает инициатор и один из проводников реформы, профессор Ежи Регульский. В 1988-1990 гг. — член Гражданского комитета при Лехе Валенсе, в 1989 — сопредседатель комитета по делам самоуправления во время «круглого стола», в 1989-1991 гг. — уполномоченный правительства по делам реформы самоуправления. Основатель и председатель Фонда развития местной демократии. Ныне общественный советник президента Бронислава Коморовского по делам самоуправления. Кавалер высшей польской государственной награды — ордена Белого Орла.

Что такое самоуправление?

Согласно определению Европейской хартии местного самоуправления, самоуправление — это право и способность местного сообщества решать свои вопросы в пользу собственных интересов. Это означает, что система должна давать возможность принимать решения в своих делах, а сообщество, в свою очередь, должно быть готово нести за них ответственность. Польша провела эту реформу, стартуя с позиций советской конституции, опирающейся на принцип централизма и ведомственной организации государства. В основе этой системы было прикрепление человека к месту работы. На работе человек получал квитанции на приобретение автомобиля, делал личную карьеру, там были партийные организации, там получали ордера на квартиры или путевки на отдых. Система была ведомственная, с полным подчинением местных структур отдельным ведомствам.

Однако при этом не было возможности организовать сообщество вокруг места жительства. А ведь именно там мы нуждаемся в услугах и благоустройстве территории, которая определяет условия нашей жизни, независимо от профессии или рода деятельности. Создание же этих условий и удовлетворение потребностей жителей — это и есть задача местного самоуправления.

Реформа, которую мы предприняли в 1989 г., была возможна лишь потому, что мы работали над ней десять лет. Первые ее предпосылки я показал в мае 1981-го, и в течение следующих восьми лет, в ситуации, в принципе, безнадежной, относительно небольшой группой людей мы работали над созданием концепции возрождения самоуправления. Нам было ясно, что только сила общества может изменить систему. Элита не изменит системы. Должна быть поддержка политической силы, и этой политической силой была только гражданская активность общества. На противоположной стороне находилось организованное государство с целым аппаратом давления и контроля, которое нужно было реформировать, изменить.

Когда появился шанс реализации этой программы, она была готова, и в очень короткие сроки реформа была проведена. В июле 1989 г., после первых выборов в парламент, Сенат постановил предпринять законодательную инициативу, чтобы возродить самоуправление. Потом было создано правительство Мазовецкого, в котором я занял должность уполномоченного по делам реформы самоуправления. До марта 1990 г. полностью была проложена законодательная тропинка, изменяющая около ста законов, точнее — 94.

Наша концепция самоуправления заключалась в упразднении пяти монополий коммунистического государства. Первой была политическая монополия. Выборы в органы местного самоуправления 1990 г. были первыми в полном смысле свободными выборами. Была упразднена монополия партии в назначении кандидатов. Во-вторых, была ликвидирована монополия центральной власти. Так, в коммунистической системе органом власти было правительство, парламент и партия, стоящая за ними. Все общественные дела были подчинены центральному решению. Реформа самоуправления ввела разделение между правительством с его администрацией и единицами самоуправления. Таким образом, возникла сфера общественных дел, исключенная из компетенции правительства, была отключена иерархическая зависимость. Премьер-министр не может давать поручений мэру. Безусловно, существует система контроля, но мэр остается независимым в своих решениях. На практике это означает преодоление концепции авторитарного государства, основанного именно на централизации. Мы ввели тогда также судебную опеку над автономией местных властей, дающую мэру право на обжалование решения центральной власти в суде, если она вмешивается в его компетенцию.

У нас были примеры судебных разбирательств: гмина [волесть] N против государства. Суд решал, кто прав — гмина или правительство. Третья упраздненная монополия — это монополия собственности. Прежде вся общественная собственность была собственностью государственной. Мы освободили гмины, поветы [уезды] и воеводства. Теперь они обладают собственным имуществом, которым распоряжаются как полноправные владельцы. Гмина может сделать с ним всё, что посчитает нужным. В четвертых, мы избавились от финансовой монополии. Гмины получили собственные деньги. Теперь они ведут самостоятельное финансовое хозяйство и имеют собственные бюджеты, которыми свободно распоряжаются, хотя частично пополняют их из бюджета государства. Прежде существовал лишь государственный бюджет, который гмина могла использовать. Наконец, была отменена монополия администрации. Раньше каждый работник гмины был государственным работником.

Теперь у гмины появились свои собственные работники, работники территориального самоуправления. Из этого вытекают дальнейшие последствия. Тот факт, что гмина получила юридическую самостоятельность, возможность распоряжаться собственностью, деньгами, позволил ей получить доступ к банковскому кредиту. До этого гмина, будучи только государственной административной единицей, не имеющей ни юридической самостоятельности, ни денег, ни собственности, не могла брать кредит, это мог сделать только министр финансов. Возникла качественно новая модель функционирования. Система дала возможность местному сообществу принимать решения под собственную ответственность и от своего имени.

Условия проведения реформы

Чтобы такого рода реформа удалась, должны существовать четыре основных элемента. Во-первых, должна быть политическая воля лидеров, осознающих, что дело здесь не только в декларации, но и в действительном изменении системы государства. Каждое изменение приводит к тому, что одни при этом приобретают, а другие теряют. Такого рода реформы встречают всегда огромное число противников. Существует риск политического поражения, противники могут выиграть. А значит, это политическое решение должно быть предпринято с осознанием риска и сопротивления, которое нужно будет преодолеть. Второй момент — необходимо знание экспертов: что делать и как? Изменения затрагивают все сферы общественной жизни, так что деятельность местных властей касается самых разных ее аспектов, начиная с призыва в армию и заканчивая содержанием дорог, школ, охраны окружающей среды, коммунальным строительством, градостроительным зонированием и т.д. Третий вопрос — общественная поддержка. Чтобы система заработала, недостаточно просто изменить законы. Дело в том, что законодатель создаёт юридические рамки, в которых люди, предприятия и органы самоуправления будут действовать. Если люди не понимают сущности реформ, закон наполняется совершенно иным содержанием либо вовсе остается мертвым. Иными словами, существует огромная проблема общественного понимания. Ментальность людей изменяется значительно медленней, чем закон. Закон можно изменить за пару недель или месяцев, труднее перестроить государственные институты, это длится дольше, чем само изменение закона. Но дольше всего происходит изменение человеческой ментальности и привычек. Это вопрос многих лет и даже поколений и, как правило, в определенное время происходят некоторые сдвиги. Это само по себе представляет собой большую проблему, проблему координации в момент изменения закона и приспособление его к ментальности людей. Если закон изменяется медленно, то люди чувствуют себя неудовлетворенными, поскольку не могут действовать. Если изменение происходит слишком быстро, люди не понимают сущности закона и закон не работает. И так плохо, и так нехорошо. Ну и наконец, четвертый вопрос — кадры. Нужно иметь в распоряжении те сотни тысяч людей, которые обладают умением работать в новых условиях. Думая об условиях, в которых осуществляется реформа, говоря о том, как важна общественная поддержка и кадры, мы создали независимую организацию — Фонд развития местной демократии. Он возникла по инициативе пяти тогдашних парламентариев, связанных с идеей реформы. Проблема заключалась в том, что парламент может изменить закон, правительство может перестроить институты, но человеческую ментальность (посредством образования, демонстрации положительного опыта) может изменить только неправительственная организация. Правительственная администрация не в состоянии вводить новшества, поскольку администрация всегда консервативна, она стремится сохранить свою модель. Нужно помнить, что никогда центральная администрация сама не реорганизуется. Любая корпорация против изменений. В связи с этим правительственную администрацию, администрацию государства нужно изменять также посредством другой организации. То есть деятельность, направленная на проведение реформы, требует в то же время работы по многим другим направлениям.

Противники реформы

Главным противником была существующая администрация. Это были люди из партийного аппарата, которые знали, что в большинстве своем окажутся вне системы. У меня в памяти остались разные события из времени проведения реформы, когда я представлял правительство. Президент Ярузельский принял права прежнего председателя Государственного совета, который имел высшую власть в отношении ко всем советам в стране. Эти якобы избранные советы создавали также иерархическую пирамиду. Президент Ярузельский каждый квартал устраивал встречу с председателями воеводских советов. Меня как представителя правительства приглашали на эти встречи. Помню прощальную встречу с ними перед выборами самоуправления в 1990 г., когда я говорил им, как будет выглядеть новая система, как она будет замечательна и прекрасна. Я видел в глазах этих 49 людей такую ненависть, что был рад присутствию президентской охраны, так как боялся, что меня разорвут. Ведь я их всех, по сути, устранил из общественной жизни.

Против реформы были профсоюзы. Сила профсоюзов в том, что они огромны, организованы вокруг определенной отрасли, ввиду чего заинтересованы в том, чтобы как можно больше дел можно было решить на центральном уровне, в ведомстве, находящемся под началом того или иного министра, перед которым они

представляют интересы тысяч работников данной отрасли. Создание местных властей ограничивает полномочия министров, происходит децентрализация полномочий. В результате этого профсоюзы теряли партнеров в лице министров, так как министры лишались полномочий. Профсоюзам следовало бы децентрализоваться, но децентрализация означала утрату их силы.

Противниками были, конечно, все министерства, так как они теряли власть. Если даже министры сами объявляли о готовности сотрудничать, то им преграждали дорогу директора отделов.

Проводя тогда реформу, я проиграл в некоторых вещах именно из-за этого сопротивления. Я представлял институцию, которой не существовало. Поэтому у меня не было никакого политического тыла, который бы поддерживал эти инициативы. На моей стороне была политическая сила премьера и его доверие. Но несмотря на это я находился в положении слабого человека, который хочет что-то изменить.

Мало кто понимал сущность реформы, чувствовалась нехватка примера, опыта. Кто знал, что такое самоуправление, в чем его суть? У разных групп были свои собственные интересы. Мы хотели, чтобы школы были отданы гминам, потому что школа — это главный культурный центр деревни, а значит, она представляет местные интересы. Раздавались выкрики, что они не могут отдать школы, а то жена войта будет решать, как дети будут учиться. Какими они обладают полномочиями?! Это мы (учителя, министр) знаем, как учить. Вот какие аргументы шли в ход, чтобы помешать изменениям!

Таких групп интересов, которые хотели бы создать собственное государство, было очень много. По этой причине реформа осуществлялась с трудностями, а потом и вовсе была остановлена. Вообще в течение всего времени у нас в Польше наблюдаются конфронтации двух моделей организации государства и общества. Одна модель — это модель ведомственная, в которой управляют отдельные ведомства с министрами и с ведомственной администрацией. Вторая модель — территориальная, основанная на децентрализации, на повышении ответственности органов самоуправления, то есть местных властей, объединяющая людей по месту жительства, а не работы. Потребности у нас, вне зависимости от того, кто где работает, у кого какая профессия, в основном одни и те же. Школа, коммуникации, безопасность, здоровая окружающая среда — эти элементы объединяют нас, и за них не должна отвечать местная власть. Но мы в Польше все время наблюдаем борьбу этих двух антагонистических моделей. Проявляется она в создании изолированных служб, подведомственных центру. Нет необходимости, чтобы, например, санитарная служба составляла отдельную отрасль, подчиняющуюся министру. Она с таким же успехом может подчиняться старосте повета или воеводе. Наблюдается сильное давление со стороны тех, кто хочет создать особую отрасль строительного контроля, со стороны тех, кто хочет отнять его у местной власти и подчинить министру. Словом, каждый хочет построить свою собственную империю.

Гражданское общество: условия для его возникновения

В Польше идея автономности и отождествления себя с местностью, осознание себя членом данного сообщества и одновременно ответственность за его развитие, продвигается—ся медленно. Система самоуправления в разных странах создавалась в разном общественно-историческом контексте. Самые сильные системы самоуправления возникли в странах, где отдельная группа людей жила под влиянием сильной внешней угрозы. Так было в США, где поселенцы, чтобы выжить во враждебном окружении, должны были объединиться. Соединенные Штаты Америки создавались как бы снизу, взбираясь вверх, начиная от сети регионов и заканчивая возникновением госу—дар—ст—ва. В Скандинавии люди перед лицом природы, в ситуации, когда в течение полугода они были отрезаны от мира, должны были объединиться, чтобы выжить. В Голландии, в свою очередь, объединяющим фактором была борьба с водой. То есть это те элементы, которые создают самоуправление. В странах Центральной Европы была обратная ситуация. Были княжества, королевства, и процесс децентрализации шел очень медленно. Передача власти вниз происходила по мере усиления общества. Иными словами, у нас был обратный порядок. В Польше, собственно говоря, не было местных традиций. Хуже всего то, что период разделов пришелся на время, когда в Европе создавались современные государства. Захватническое государство было чужим, всякая власть была чужая. Это ощущение «Мы и Они», «Мы — хорошие граждане и Они — плохая власть», длится до сих пор. Поэтому люди не отождествляют себя с властью. Люди всё еще не осознают совместной ответственности за государство, не осознают, что это мое государство, что это мой президент, мой войт или мой премьер.

Когда мы проводили второй этап реформы, то есть организацию воеводств и поватов, появились мнения, что коль скоро вводится автономия для воеводств, то государство наверняка развалится, будет децентрализация — и Польшу разорвут на куски.

Тогда мы пригласили в Польшу итальянских экспертов. В Италии очень сильны были центробежные тенденции. Тамашние регионы имеют долгую историю. Южный Тироль, к примеру, населен немецкоязычным

меньшинством. В этой ситуации у итальянцев было два выхода. Или стараться это централизовать и силой подавлять эти центробежные движения, или, напротив, дать полномочия регионам. Они пошли вторым путем. Каждый регион получил возможность решать языковые, культурные вопросы, вопросы школьного образования в своих пределах и в соответствии со своими потребностями. То, что объединяет итальянцев, — это экономика. Однако такого подхода у нас всё еще не понимают.

Проблема состоит в том, что центральная власть боится изменений, поскольку считает, что только посредством централизации, удерживая всё в своих руках, можно хорошо управлять, что-то изменять. Местные власти в целом хотят что-то делать, но у них есть юридические и административные ограничения. А общество не очень хорошо понимает, в чем суть, и остается пассивным. Поэтому нет политической силы, чтобы действительно что-то предпринять. Центральная власть должна понять, что децентрализация — это не угроза.

Однако возрождение самоуправления принесло огромную пользу развитию. Я проводил исследования инвестиционных эффектов, сравнивая два временных промежутка — десять лет до и десять лет после проведения реформы самоуправления. Например, водопровод. Магистральная сеть в тысячи километров. Прирост в 1980-1990 гг. — 2,2 тыс. км, в 1990-1998 гг. — 20 тыс. километров. То есть прирост составил 950%. Подключение водопровода к зданиям: в 1980-1990 гг. подключены 328 тыс. зданий, в 1990-1998 гг. — 2 млн., в шесть раз больше. Это конкретные результаты. Почему? Потому что в одной и той же стране в один и тот же период мы имели дело с двумя совершенно разными устройствами государства. Местные власти знают, в чем люди нуждаются, какова иерархия потребностей, на чем следует концентрировать внимание.

Другой пример. Развитие потребностей людей анализировалось с точки зрения местных бюджетов. Так что же людям мешало? Прежде всего нехватка воды и недостаток телефонной связи. Это были первостепенные нужды сельского населения, а также населения малых городов. Вопрос связи решился сам собой благодаря сотовым телефонам. Приоритетом был именно водопровод. Потом чуть позже пришло время канализации, так как в канализации нуждались меньше. Затем тротуары и уличное освещение. Причем речь шла не об удобстве ходьбы, а о безопасности детей, идущих в школу. А затем настало время вопросам ремонта школ, уровня школьного образования, спорта, культуры. Спустя 15 лет после реформы началось бурное развитие аквапарков, бассейнов, спортивных стадионов, домов культуры и т.д. Сейчас этот процесс несколько приостановился из-за экономического кризиса. Тем не менее именно в этих отраслях — спорте, культуре — мы имеем огромную активность местного населения. Количество начинаний внушительно. В Фонде развития местной демократии мы присуждаем ежегодную премию в области общественного объединения вокруг местных традиций и культуры. Для нас культура и традиции — это инструменты общественной интеграции. Можно заметить, что люди всё охотней отождествляют себя с местностью, и таких начинаний очень много.

Самоуправление сыграло огромную роль в развитии Польши. Благодаря активности местных сил Польша изменилась в значительной мере. Такой прогресс не был бы возможным, если бы всем управляли министерские чиновники. Благодаря реформам возникло многочисленное и высокопрофессиональное сообщество местных политиков и администраторов, способных управлять своими гминами и поветами. Благодаря их деятельности условия жизни изменились радикально. Многие считают, что возрождение самоуправления было одной из наиболее удавшихся реформ в Польше.

Совместное решение граждан

6 ноября прошло большое совещание в канцелярии президента, касавшееся общественных консультаций. Президент решил включиться в дело усиления общественного участия в органах самоуправления и популяризации положительного опыта в этой сфере. С этой целью им была запущена программа, а также создана общественная интернет-витрина, на которой представлены продуктивные методики взаимодействия глав органов самоуправления и местной общественности. Самым интересным методикам взаимодействия будут вручены премии. В рамках этой программы будут организованы конференции. Первая конференция этой программы будет посвящена общественным консультациям. В общем, в этом деле у нас неслыханный интеллектуальный и концептуальный хаос. Проще говоря, дело касается концепции взаимодействия «гражданин — государство». Вопрос в том, чему должны служить общественные консультации в ситуации, когда у нас демократически выбранные власти. Они представляют общество как целое, а также несут ответственность за развитие отдельных местностей или больших территорий. Цель общественных консультаций — создать дополнительный канал информации, чтобы люди могли делиться своими идеями, концепциями не только в период выборов, но и в промежуточное между выборами время. Участие в консультациях должно сильнее связать жителей со своим регионом, чтобы они могли почувствовать, что совместно принимают решения и несут общую ответственность. Но консультации не должны мешать принятию решения и верному управлению. А всегда найдется достаточно много людей, которые в собственных интересах захотят что-то испортить или чему-то помешать. Поэтому нужно

так организовать консультации, чтобы они давали положительные результаты, чтобы позволяли жителям участвовать в общественной жизни, но при этом не тормозили решений. Роль неправительственных организаций в этой области огромна. Они организуют общество и создают гражданские позиции. Должны сформироваться соответствующие формы сотрудничества с местными властями. Ведь гражданское общество — это такое, которое умеет управлять собственным государством посредством конституционно избранных властей.

Записал Аркадий Хабера

2: СОЖАЛЕНИЯ О РОЖДЕНИИ

Тенденция к уменьшению числа детей и еще большему постарению общества в целом приобрела устойчивый характер. Демографическая яма уже лишила работы тысячи школьных учителей. Так ли страшен ДЕМОнстр, как его малюют?

Кто не родился, от того не родятся дети, а тот, кто уже родился, будет жить дольше, чем жили предки. Демографическое будущее Польши прогнозируемо, хотя неочевидно. Что означает демографическая яма для системы образования, здравоохранения, рынка труда? Для будущих школьников, студентов, людей, ищущих работу, опекунов престарелых родителей? Можно вообразить, что будет так: обучение в малокомплектных школах, рынок, на котором будут защищены права работников, уменьшение очередей к врачам. Или так: ликвидированные школы, ничтожные трудовые договора, закрытые амбулатории. Сейчас государство еще может изменить вектор перемен. Посмотрим, собирается ли оно вообще это делать.

ДЕТИ: лучшая школа или ликвидация школ?

Одну возможность мы уже явно упустили: чтобы — как только демографическая яма затронет школы — классы стали малочисленнее и чтобы в школе остались только лучшие учителя. Чтобы наконец сбылась мечта педагогов-теоретиков: обучение в комфортных условиях и доброжелательной атмосфере. Образовательный смысл имели бы даже гимназии.

Тенденция очевидна уже с десятков лет, а в перспективе за два десятилетия число школьников сократится наполовину. От почти 8 млн. детсадовцев и учащихся средних школ сейчас мы имеем 5,4 млн., а через пять лет останется чуть больше четырех миллионов.

Поскольку школы у нас были тесными, а классы переполненными — по 30 человек и даже больше, — немногого требовалось, чтобы дети и их учителя, те, кто остался бы в профессии, почувствовали перемены к лучшему. Десять лет назад на одного учителя приходилось 20 учеников, сейчас — девять. Однако классы не стали малочисленнее, потому что сократилось число школ. Так органы самоуправления сэкономили.

Они действовали так из-за того, что система финансирования школ устроена нелогично: за поддержание школ и за выплату учительских зарплат гарантированного размера отвечают органы местного самоуправления, которым государство перечисляет на это определенные суммы, но суммы эти зависят от числа учеников на территории гмины. Чем сильнее сокращается число учеников, тем труднее гминам финансировать школы. Дотации министерства образования растут, однако не покрывают всех расходов, таких как обязательные доплаты учителям. Система не менялась десятилетиями. Кроме того, хартия учителя гарантирует особый порядок найма и увольнения. На практике высокооплачиваемых учителей проще уволить, ликвидируя школу. В последние годы органы самоуправления пытались выкупать хартии учителя. Не удалось, и в конце концов начали увольнять, ценой больших выходных пособий.

Уже понятно, что в 2013 г. потеряют работу около 7,3 тыс. учителей и еще большее число получит предложение работать на неполную ставку, т.е. им обеспечат занятость, но не выживание. По данным Союза польских учителей, на неполную ставку вынуждены будут перейти около 18 тыс. учителей, по данным других профессиональных союзов — до 30 тыс. человек. Министерство образования сожалеет, одновременно заявляя, что школы — согласно закону — дело органов самоуправления.

Уволенным не предлагают ничего. Есть только единичные местные проекты. В Вальбжихе, например, некоторые могут рассчитывать устроиться в один из трех новых детских садов и яслей. Учителя, таким образом, сами ищут себе работу, например, на интернет-порталах. Некая Ивона на сайте egzaminy.pl пишет, что имеет квалификацию учителя биологии, но берется также за работу стилиста. Преподавательница химии и физики, помимо услуг репетитора по школьным предметам, предлагает услуги косметолога. Только никто не звонит.

Вывод: школы останутся такими же тесными, как были, классы — такими же многочисленными, качество обучения существенно не изменится, а более 200 тысяч ежегодно выпускаемых магистров педагогики отправятся наводить клиентам маникюр.

СТУДЕНТЫ: конец халавы или преобладание слабых курсов?

Число потенциальных студентов вскоре сократится на треть. В 2002 г. в Польше было 3,2 млн. граждан в возрасте 19-23 лет, в 2012 г. — на 600 тыс. меньше. Через пять лет учебные аудитории не досчитаются 500 тыс. юношей и девушек. Однако в высшей школе годами преобладающей стратегией был оптимизм. Молодежи убывало — учебных заведений прибывало. Сейчас их 470, в том числе 338 негосударственных. Только за последние два года открылось несколько десятков новых.

Хорошие частные вузы (Высшая школа психологии и общественных наук — ВШПО, Collegium Civitas, Козминский) заявляли, что обеспечат уровень образования выше университетского и это их спасет в условиях демографической ямы. Небольшие местные вузы предполагали выжить за счет того, что молодежь из мелких населенных пунктов не имеет средств на учебу в крупных городах; они заявляли, что будут приспосабливаться к местному рынку труда. Государственные вузы, подчеркивая свои заслуги в подготовке десятков тысяч молодых людей, родившихся в период демографического бума, обещали ограничить платный прием на заочную форму обучения. Но это официально. Неофициально же каждый сектор придерживается иной стратегии выживания.

Небольшие учебные заведения рассчитывают на то, что, манипулируя трудовым законодательством, наймут преподавателей за смешные деньги и будут брать низкую плату за обучение, перейдут с постоянного найма на разовые договора. Снижение зарплат, невыплата премий, привлечение весьма средних преподавателей — вот наиболее распространенные уловки. Государственные вузы открывают многочисленные, однако узкие направления очной подготовки, чтобы предложить аналогичные курсы на заочной форме уже за плату.

Профессор Мариуш Чубай из варшавской ВШПО говорит, что мы имеем дело с массовым надувательством. Чтобы привлечь студентов, учебные заведения клянутся, что предлагают подготовку по направлениям, которые «обеспечат выпускникам преимущества на рынке труда».

— Это торговля миражами, — говорит он. — В рамках подхода, в соответствии с которым абсолютно все превращается в товар. Вуз уже не место формирования мышления, образования, а фабрика, производящая «образовательный продукт».

В результате мы имеем наибольшее в Европе число высших учебных заведений и наибольшую долю студентов в населении. И самое плохое качество: 25% польских вузов, по данным испанских исследований, — худшие в мире. Преподаватели истерично жалуются на снижающийся интеллектуальный уровень студентов. Говорят, что испытывают горькое разочарование, когда стоят перед аудиторией и видят на лицах выражение полного непонимания того, о чем идет речь, так как у студентов нет интеллектуальных навыков, чтобы успевать в учебе. Профессор Роман Кужняр заявляет, что демократизация образования лишает его всякого смысла.

Вывод: надежда, что невидимая рука рынка и демография поднимут вузы на адекватный уровень, оказалась иллюзией. Наоборот, ведется беспощадная борьба за студента-клиента, которому впаривают низкосортный товар. Не похоже, чтобы хорошие вузы собирались резко повысить уровень, а плохие — исчезнуть с рынка.

ВЫПУСКНИКИ: меньше конкуренции или ноль мотивации?

Сокращение числа студентов в вузах чуть позже должно сказаться на рынке труда. Сейчас каждый четвертый, ищущий работу, моложе 30 лет, через пять лет таких людей станет наполовину меньше. Может показаться, что для сегодняшних учащихся и студентов вновь открывается дорога к карьере, конкуренция ослабнет, крысиные бега станут менее агрессивными.

«Немного за 30» — это группа, которая хотя бы по причине своей жизненной энергии составляет движущую силу экономики. Из нее фирмы привыкли набирать новых, творческих, хорошо образованных менеджеров. Но все может измениться: идущее на смену поколение социологи уже называют good enough, имея в виду, что им достаточно, чтобы было «достаточно хорошо». Сегодняшние 20 летние, обманутые продающими миражи вузами, а потом наученные рынком труда, — уже не такие хищные и агрессивные в профессиональном отношении, как их предшественники. Они надломлены, опустошены и менее склонны вовлекаться эмоционально.

Например, А., 28 лет: три года на временных договорах в книжном издательстве, по несколько месяцев сотрудничает и с разными другими фирмами. Когда просился на ставку, чтобы купить квартиру в кредит, его не взяли. Квартиру не купил. Зато начал думать об эмиграции. Или В., 25 лет: один ребенок, незапланированный, больше детей заводить не собирается. Ни в одной фирме не проработал больше года, хотя начал еще на первом курсе ради хорошего резюме. Или пани С.: уже в 25 лет она почувствовала себя опустошенной. Или Д., мать-одиночка, пытается мотивировать себя на еще более напряженную работу, ради дочки. Однако из-за малышки часто теряет самообладание, значит, такая работа еще скорее ее доконает.

Установка «хорошо, и хватит» — это вызов для руководителей и управленцев поколения 60-70-х, которые сейчас уже заправляют на рынке труда. Их девизом было «плыви, а то потонешь». Сейчас стоило бы перейти от агрессивных стратегий управления к более мягким. Эксперты в области управления полагают, что идеал современного руководителя — это уже не одинокая хищная акула, а охотящийся в дружной стае волк. Фирмы должны подумать о том, чтобы создавать команды, например нанимать на одну ставку двух человек вместо одного, стремящегося жить только работой. Однако экономический кризис стал причиной реализации противоположной стратегии: сокращения, увольнения, еще более рабские условия для работников, пренебрежение трудовым законодательством, вытеснение женщин с рынка труда — вот сегодняшняя действительность.

Вывод: «хорошо, и хватит» — это защитная стратегия: если нельзя реализовать амбиции, лучше не иметь их вовсе. Это злое предзнаменование, так как именно стремление молодых к образованию и их жизненный напор двигали развитие экономики в течение последних 20 лет.

РАБОТАЮЩИЕ: все еще полные амбиций или дохлые акулы?

6,2 млн. сегодняшних 30-летних и 4,7 млн. 40-летних — это сейчас самая многочисленная возрастная группа в Польше. Среди них уже упомянутые «акулы», которые тяжело боролись за успех. Это люди, вышедшие на рынок труда в то время, когда безработица превышала 20%. С детства помня сермягу ПНР, затем Великую Перемену, они ненадолго поддались иллюзии, что еще на своем веку догонят лучший мир. Взяли кредиты, купили слишком большие квартиры. А затем работодатели предложили им работать на себя или перейти на договоры подряда. Это они отказались от рождения детей, потому что для одних дети было помехой карьере, а другим мешало отсутствие работы.

Ресурсы акул представляются в значительной мере исчерпанными. От поколения «хорошо, и хватит» они могли бы научиться одному: нужно знать, когда пора заканчивать, чтобы вообще выжить. Но не получается, уже заметны признаки нездоровья. Профессор Януш Хайцман, возглавляющий Польское психиатрическое общество, считает, что за польским экономическим успехом, созданным руками этого и предшествующего поколений, стоят, помимо прочего, антидепрессанты. Было принято за норму нагружать работников заданиями, которые невозможно выполнить за отведенное на это время, и человек был вынужден это как-то заглушать. Поэтому акулы прибегают к помощи фармакологии. Доходы фармацевтических компаний от продажи антидепрессантов и подобных им средств за несколько лет увеличились на треть и продолжают быстро расти.

Но лекарственная поддержка — это эксперимент повышенного риска. Недавно в Великобритании получил широкую огласку случай, когда женщина, планируя беременность, по совету врача отказалась от принимаемых годами антидепрессантов и сразу покончила самоубийством. В Польше пару лет назад право выписывать антидепрессанты получили также врачи-терапевты. И хотя страдающие неврозами составляют наибольшую долю (около 25%) пациентов, получающих психиатрическую помощь, им ничего не предлагается. Система психиатрической помощи ориентирована на стационары — три четверти средств на лечение поглощают больницы, обычно довольно бесчеловечные, за которыми тянется дурная слава «психушки» и где лечат примерно десятую часть пациентов. Районный психиатр — редкость.

Распространенности психосоматической патологии в этой средней возрастной группе не придают значения, хотя на нее обращают внимание не только психиатры или психотерапевты. Социологи подчеркивают, что мы имеем дело с обострившимися проявлениями социального дарвинизма. Страны Западной Европы в этом плане более умеренны. Мы же стремимся иметь то, чего нет у других, хотя могли бы этого и не делать.

Многим людям из этого поколения предстоит потерять работу, как сегодняшним 50-60-летним, о которых речь пойдет дальше. Здоровье, иногда просто инстинкт самосохранения велит им искать новых занятий и новых форм занятости. Рынок тоже требует быстрого перемещения сил, проектных методов работы. Кто научится, тот справится. Государство могло бы им помочь, хотя бы изменив трудовое законодательство — анахроничное, не соответствующее реалиям, ориентированное на работников, занимающих штатные должности. Того, кто работает по договорам подряда, кому закручивают гайки, не оплачивают отпусков, задерживают выплату

вознаграждения, в Польше не защищает никакой закон. Как будто этого человека нет вовсе. Может быть, пришло время заметить, что он есть?

Вывод: тем, на кого опирается сейчас рынок труда, грозят выгорание, болезни цивилизации, выпадение на обочину, возможно, даже обнищание. Они могут не дотянуть до отодвинувшейся пенсии и стать бременем для поколения демографической ямы.

ЗА 50: дальнейшее развитие или участь человека на диване?

Многих людей зрелого возраста уже коснулось изменение сроков выхода на пенсию. Действительно ли им удастся удержаться на рынке труда, сохраняя здоровье и получая удовлетворение от непрерывного развития?

По статистике, среди лиц, обращающихся за психиатрической помощью, становится все больше людей в возрасте за 50. Всего их 5,2 млн., и их уже окрестили «диванным поколением». Их рвут в обе стороны: дети, требующие длительной материальной поддержки, и престарелые родители. Они расплачиваются за отсутствие системы. Уход за беспомощным родственником многократно увеличивает риск преждевременной смерти опекуна. Выгорание и депрессия — вот что уготовано им в этой роли. Сведение жизненной активности к единственной, круглосуточной опекунской работе означает снижение доходов до 520 злотых месячного пособия, без возможности подработки (а значит, крайнюю нужду, подавленность, возможно — бегство в алкоголизм). Учреждений, куда можно поместить родственника хотя бы на несколько дней, нет. Система помощников по уходу существует, но не работает; кроме того, такой помощник обходится в 1500 зл. ежемесячно.

Если же «человеку с дивана» удастся остаться на рынке труда, то его ждет еще одно испытание огнем: магический рубеж 56 лет, за которым закон предусматривает защиту от увольнения. Сегодня работодатели увольняют с хронометром в руках, на пороге волшебной даты. А потом происходит как в истории К., окончившей престижное учебное заведение за границей и руководившей отделением в банке. Многие месяцы безрезультатной рассылки резюме, распродажа имущества, продажа квартиры. Наконец, в возрасте 60 лет ее взяли няней. В китайскую семью. Она работает от зари до глубокой ночи, как приемный родитель, так как наниматели очень заняты.

Вывод: во многих сферах для сегодняшних людей «за 50» доходит, что нужно быть готовым резко менять жизненную стратегию и начинать с нуля. Политика государства здесь носит чисто символический характер. Модно говорить о том, что 50 летних рано списывать, но на практике возможностей получить новую специальность нет.

СТАРИКИ: осень жизни или кошмарное доживание?

Выражение «только бы на пенсию», излюбленное присловье нескольких поколений поляков, тоже теряет актуальность. Уже понятно, что пенсии будут сокращаться — это очевидный эффект демографии. Пенсии старикам выплачиваются за счет того, что зарабатывают молодые, которых обычно было больше, чем стариков. А если на одного молодого приходится несколько стариков, так уже не получится. Значит, мы вынуждены переходить к системе, когда каждый сам откладывает себе на пенсию.

Диванному поколению (разумеется, тем из них, кому удастся заработать право на пенсию) еще достанется почти столько же, сколько их родителям, согласно старым правилам. Но уже сегодняшние 40-летние не могут рассчитывать больше чем на 50% от заработка. А для поколения, выходящего на рынок труда, согласно расчетам Expander'a, нормой будет 40%. Хорошо, если в течение жизни удастся сделать накопления. Однако для поколения «хорошо, и хватит» шансов что-то отложить и выгодно разместить капитал, скорее всего, не будет.

Стариков становится всё больше, а государство годами это игнорирует. Десять лет назад у нас было более 700 тыс. человек в возрасте 80 лет и старше, сейчас — почти 1,3 млн., а через пять лет прибавится еще несколько сотен тысяч. Наибольший прирост наблюдается в группе 60 лет и старше: за пять лет их число возросло с четырех до пяти с лишним миллионов — это 13% всего населения. При этом в Мазовии нет ни одной койки для гериатрических пациентов. Во всей Польше их наберется только 684, хотя необходимо более семи тысяч. Есть гериатрическая клиника, где работают два адъюнкта, но готовят там только медсестер — не врачей. И единственное отделение для пациентов с болезнью Альцгеймера на всю Варшаву, где таких больных 400 тысяч!

Перед стариками стоят и другие проблемы: лет через десять центры крупных польских городов существенно постареют. Люди старше 60 ти составят 50% жителей этих районов. Однако именно их активно застраивают бизнес-центрами, вытесняя небольшие магазины, парки и т.п. Этому поколению угрожает перспектива замкнуться в четырех стенах, в старых домах, часто не имеющих лифта. Или отправиться в дом престарелых, но

это тоже не для всех: сейчас месячная плата за место в палате на несколько человек составляет от 2 тыс. зл., а за одноместное размещение — более 5 тысяч.

Вывод: старость — это всё более устрашающая перспектива. При единственном ребенке, на которого вся надежда. И который, в том числе психически, может этого не вынести.

БУДУЩЕЕ: что вообще можно предвидеть?

Действительность — это система многих сообщающихся сосудов. Перемены в экономике и общественном укладе происходят быстро, зачастую — непредсказуемо. Возьмем 2012 год. С одной стороны: обвал в фармацевтических фирмах, так как с введением единых цен в аптеках разом потеряли работу торговые представители. Обвал в строительстве: крупные фирмы, участвуя в тендерах, плохо рассчитали силы и им это дорого обошлось. Обвал в СМИ: переход с бумаги к сетевым изданиям перевернул эту сферу с ног на голову, и непонятно, чем все закончится. Наконец, в фирмах, живущих с экспорта: кризис. С другой стороны: впечатляющий рост узких направлений, например в медицине — производство кабинетных установок для УЗИ (ультразвуковых исследований).

— На микро-шкале, действительно, явления трудно предвидеть, однако в макро (в крупном масштабе) многие тренды известны. Например то, что имеют потенциал профессии, связанные с опекунскими услугами, — объясняет Яцек Менчина из Института общественной политики, статс-секретарь в министерстве труда и член экспертной группы. — А также, парадоксальным образом, услуги, связанные с образованием. Только не с фундаментальным, классическим, а гибким, отвечающим на запросы. Победят те учебные заведения, которые ухватят тенденцию и предложат обучение, курсы, в том числе дистанционные.

Потому что единственный способ не проиграть в борьбе с демографической ямой, — это государственная поддержка изменений на рынке труда. Яцек Менчина подчеркивает, что этот рынок неизбежно должен стать более гибким. В новых условиях он, с одной стороны, должен опираться на людей, у которых будет возможность сменить квалификацию и которые будут способны психологически выдержать необходимость раз за разом начинать с начала, а с другой — на фирмы, которые смогут управлять людьми, уважая те приоритеты и важные обязательства, которые они имеют помимо работы.

Для этого необходимо, как уже говорилось, изменение трудового законодательства. Нужно дать людям возможность работать на неполную ставку с сохранением основных социальных гарантий, облегчить путь к индивидуальному предпринимательству, обучению, смене профессии. Чтобы человека не поглощала сразу черная дыра безработицы, куда сейчас канули многие учителя.

Ведь, как показывают социологические исследования, неуверенность и нестабильность — вот тот демон, которого поляки боятся больше всего. Потому что больше всего ценят предсказуемость. Готовы получать меньше, но хотят точно знать, сколько и когда им заплатят.

А что касается постарения общества, то именно тут создается гигантская ниша, в которой найдут работу молодые. Рынок опекунских услуг должен развиваться. Тем, для кого старость уже стала близкой перспективой, может служить утешением, что ухаживать за ними будут наверняка люди с высшим образованием. Слабым, но всё же утешением.

3: УНИЖЕННЫЕ СНИЖЕНИЕМ

Действительно ли нам нужно больше поляков? Мы размышляли об этом в редакции «Политики» в продолжении цикла дебатов этого журнала на тему «Рост снижения — демографические вызовы для Польши».

Что в действительности означает тот факт, что к 2035 г. поляков станет на два миллиона меньше, и есть ли на самом деле из-за чего рвать на себе волосы? Стоит ли призывать к всеобщему подъему рождаемости? А может быть, лучшей стратегией было бы приспособиться к реальности и увидеть в этом определенные плюсы? Что дадут экономике дополнительные рабочие руки, раз мы не в состоянии использовать те, которые уже есть? Наконец, не лучше ли перестроить пенсионную систему, по-прежнему в большой степени зависимую от замещения поколений, нежели рожать детей ради того, чтобы защитить Управление социального страхования (УСС)?

Хозяевами встречи были председатель Всеобщей страховой компании (ВСК) Анджей Клесык и главный редактор «Политики» Ежи Бачинский, который адресовал эти вопросы участникам. Мы пригласили к дискуссии

ряд выдающихся экспертов: Михала Бони, министра администрации и цифровых технологий, Збигнева Дердзюка, председателя УСС, Станислава Ключу из Института статистики и демографии Варшавского высшего торгового училища, Иеремию Мордасевича, советника правления Польской конфедерации частных предпринимателей «Левиафан», и Збигнева Стшелецкого, председателя Совета по народонаселению при правительстве.

Цифры

Суть проблемы не в том, насколько уменьшится число поляков, но в том, где и кого станет меньше. Двадцатимиллионное общество может прекрасно справляться с экономикой и социальной сферой при условии здоровья его структуры. А здоровье — это когда профессионально активная группа больше группы тех, кто живет за счет различных социальных трансфертов: пенсий, пособий, форм социальной поддержки. Двухмиллионная убыль населения к 2035 г. (следствие как снижения рождаемости, так и смертности пожилых людей) накладывается на такие очевидные и естественные тенденции, как старение тех, что уже родились. Таким образом, хотя формально наша убыль составит лишь два миллиона, людей трудоспособного возраста будет меньше уже на четыре миллиона, а число пенсионеров возрастет еще на четыре. Удвоится количество тех, кто живет за счет этих социальных трансфертов (больше пенсионеров). Если нынешние тенденции в рождаемости сохранятся, то через 50 лет почти 40% общества будет уже в нетрудоспособном возрасте, а еще 14% (дети) еще не смогут работать. У нас будет самый низкий в Европе процент младших (15-65 лет) относительно старших (старше 65 лет): 1,25:1,0. Если к тому же сохранятся нынешние тенденции, согласно которым лишь половина людей трудоспособного возраста работает, внося в систему налоги и взносы, то нам грозит масштабная катастрофа.

Эмигранты

Процессы, подобные происходящим у нас, касаются всей Западной Европы. Там общество тоже стареет, поэтому оно втягивает работников с других рынков. Если в Великобританию или Германию выедет несколько сот тысяч молодых работников из Польши, наша демографическая яма увеличится. А нам, в свою очередь, втягивать неоткуда. К нам не так охотно едут работники с востока. Более того, мы сами ментально не готовы их принять. Это может грозить нарастанием негативных настроений.

В ответ на вопрос, есть ли в мире какая-либо страна, где в действительности не хватает рабочих рук, эксперты привели примеры Великобритании, Австралии, Канады, добавив в то же время, что определенный процент неприспособившихся — а следовательно, безработных — представляет собой постоянное явление, не связанное с предложением на рынке труда. При этом существует определенная фиксируемая зависимость: чем больше предложение на рынке труда, тем выше инвестиции, то есть больше рабочих мест. И наоборот: чем быстрее выходят на пенсию пожилые, тем больше безработица среди молодых. Совершенно отдельную проблему, однако, представляет качество этих рабочих мест.

Старение

В самом по себе старении общества, говорили эксперты, нет ничего плохого. Оно стало следствием модернизации Польши — все развитые страны стары с демографической точки зрения, так как люди в них живут дольше. Проблемой становятся последствия этого: пожилые работники менее мобильны, не склонны к переездам, риску, переменам. Самые пожилые к тому же совершенно не склонны к приему неконформистских решений перед избирательными урнами, а ведь в перспективе именно они будут основным электоратом. Через несколько десятков лет уже не удастся провести радикальные реформы. Например, ту, которая следует из факта, что у государства не будет средств (уже нет средств) на стопроцентное финансирование здравоохранения, с тем, что затраты на него, из-за специфики заболеваемости пожилых людей, будут расти.

Убыль молодежи — и населения вообще — также будет явно ощущаться, например, в городах. У менее плотно заселенных налогоплательщиками городов будет меньше денег на поддержание инфраструктуры. А затем — как в Нью-Йорке в 80-е годы — города начинают беднеть, что, среди прочего, приводит к росту преступности. Так что постаревшее общество не гарантирует даже большего спокойствия и безопасности.

Конфликт

По мнению экспертов, нас ожидает еще и крупномасштабный конфликт поколений. Он будет серьезнее, чем у соседей, где у старших поколений есть что проедать. Поляки в большинстве своем не имеют сбережений, запасов, так что на плечи молодого поколения ляжет несоизмеримая нагрузка в виде доплат в пенсионную систему, поддержания здравоохранения, инфраструктуры и т.д. А в то же время это еще и поколение, которое —

первым за долгую историю общества — окажется в худшей жизненной ситуации, чем их родители. Оно не достигнет того статуса, который есть у родителей, не говоря уже о том, чтобы занять место на ступеньку выше.

Более того, эти старшие тоже будут очень подавлены и попросту бедны; до среднего размера дотянет только 30% пенсий, так что значительной части пенсионеров понадобится поддержка учреждений опеки, которые тоже нужно будет содержать. По мнению экспертов, вероятен сценарий, при котором молодые люди, ментально прижатые к стене, будут еще более склонны уезжать в эмиграцию, за границу.

Выводы

Мнение экспертов совпадает: все-таки рожать. Хотя бы немного больше. Если бы каждая двухсотая женщина решила родить на одного ребенка больше, то в перспективе к 2060 г. у нас было бы на миллион жителей больше. По мнению экспертов, их взносы в систему социального страхования составили бы около 5 млрд. злотых. Настолько меньше потребовалось бы перечислять в ВСК — из налогов всех работающих.

Это не изменит основной тенденции, которая уже необратима по причинам, относящимся к социальной психологии. Чем позже мы рожаем детей, тем их меньше в семье. А позже рождаются они хотя бы потому, что дольше продолжается образование, меняются ожидания. Поэтому еще более важная задача — привести на рынок труда ту половину общества, которая не работает, хотя находится в соответствующем возрасте. В особенности речь идет о женщинах — традиционно несущие бремя обязанностей по уходу за детьми и близкими, они не в состоянии работать на полную ставку. Нужно разгрузить их в этих вопросах. Государство должно принять на себя больше ответственности.

Но речь идет еще и о стариках. Эксперты предложили улучшить опеку и медицинскую профилактику, чтобы как можно дольше удержать людей пожилого возраста на рынке труда. Одновременно следует расстаться с иллюзией, что уходящий старик освобождает рабочее место для молодого. В реальности, убеждали эксперты, рабочее место обычно исчезает безвозвратно.

Но важно еще и то, чтобы государственная политика в области народонаселения, которую иногда называют «просемейной», была гибкой — облегчала бы молодым людям выбор собственного пути в профессиональной карьере и рождении детей.

4: СТИХОТВОРЕНИЯ

Ветер

Я бы не пил перед зеркалом если б встретил кого-нибудь
с кем можно было бы выпить
не говоря ни о чём
что дальше
ещё одна исповедь
и лепет как предел
к которому стремится речь
мне уже не написать
первую книгу когда-то зачатую
в радости
радости нет
радости нет
это из другой ненаписанной книги

книги друга

который возможно уже и не друг

разрозненные листки насквозь продувает ветер

мы говорим на ветру

беззвучно

крича

XI 1982

* * *

Глаза мои будьте отважны

мысли будьте отважны

сердце будь отважно —

это снова жизнь, день

состоящей из дел

которых не примирить

но может быть жизнь —

что-то большее чем они

VII 1985

* * *

Радость... до неё доплывут

только размокшие бумажные кораблики.

Нас там не будет.

Никто не сможет сказать,

что она была невозможна.

Lost, lost, lost are my emanations...

Заполняя прорехи бытия, пробелы

В законах, непреодолимые пространства

Несовпадений характеров; принимая

Под охрану утраченное или украденное

Время и объекты, присвоенные либо,

Возможно, проданные без согласия семьи;

Подтекст любого соглашения —

Знамя демократии, светлая

Звезда морали, без которой
Свобода была бы оскорблением, а бытие
Застенком; заполняя, быть может, даже
Межзвёздную пустоту; заполняя
Анкеты, подсунутые нам
Жизнью; беря в свидетели жизнь, хотя
Никто не знает, что это такое; связывая
Несоединимое, разделяя
Единое; убаюкивая детей,
Она позволяет ласкать себя старцам;
Она — знание, которое опережает знание
И приходит потом; становясь единственной
Истиной, она обращается против нас;
Так мы познаём
Мир, в котором ложь требует
Именоваться фантазией.

* * *

В темноте можно притвориться, что ничего нет,
Часы неуловимо властвуют над временем
Взгляда; издёвка времени, зеркало, время остановлено,
Погашена лампочка, закрыты ставни вечера.
Чья-то рука ощупью находит сигареты,
Подносит к твоим губам огонь.
Торопливые шаги падших ангелов,
Мостовая неба колышется под уличным фонарём.
Ладонь находит собственный ад —
Пепельницу. Но попробуй спрячься
От самого себя; ты всё-таки не выходишь из игры,
Задолго предугадав каждый ход.
В темноте ничего невозможно спрятать,
В темноте можно только притвориться, что ничего нет.

* * *

Сквозь тёмную ночь прошёл я, душа моя, сквозь ночь.

Я искал твоих глаз, душа моя,

Искал твоих глаз. Дрожа от тревоги, душа моя.

Весь дрожа. Ибо глаз там нет, не там

Глаза. Только взгляды там, только взгляды.

Ты находишь в них одно: тебя нет. А колесо вслепую

Вращается, бьёт. Без причины? Ещё оборот.

Не удержать его. Ничего не выйдет, душа моя.

Колесо увязло по ступицу. Не в тебе. Я не знаю, где.

И на что тут глаза, душа? Откуда смотрят глаза?

Не знаешь, ну и не знай. Ползай во мраке, личинка

Света. Там, куда ты идёшь. Оттуда смотрят глаза.

Смотрят, хотя уже нет ничего, чего бы они не видели.

Ночь предо мною темна, душа моя, ночь темна.

III 1987